

Европейский Суд по правам человека

Первая секция

ДЕЛО «МИХЕЕВ ПРОТИВ РОССИИ»²

CASE OF MIKHEYEV v. RUSSIA

(Жалоба № 77617/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Страсбург

26 января 2006

Данное постановление станет окончательным при условиях, предусмотренных п. 2 ст. 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле «Михеев против России»,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Г-н К.Л. РОЗАКИС, *Председатель*,

Г-н П. ЛОРЕНЦЕН,

Г-жа С. БОТУЧАРОВА,

Г-н А. КОВЛЕР,

Г-н К. ГАЖИЕВ,

Г-н Д. ШПИЛЬМАН,

Г-н С.Е. ДЖЕБЕНС, *судьи*,

и Г-н С. НИЛЬСЕН, *Секретарь Секции Суда*,

заседая 26 января 2006 года, вынес в тот же день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело было инициировано жалобой (№ 77617/01) против Российской Федерации, которая была подана в Суд гражданином России Алексеем Евгеньевичем Михеевым (*далее - заявитель*) 16 ноября 2001 года, согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее – Конвенция*).

2. Заявитель, которому была оказана правовая помощь, был представлен О. Шепелевой, Ю. Сидоровым – юристами, практикующими в Москве и Нижнем Новгороде, и В. Вандовой – юристом “Интерайтс”, Соединенное Королевство. Правительство

¹ Перевод с англ. яз. выполнил аспирант кафедры европейского права и сравнительного правоведения ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права» Шлянцев Д.А.

² Оригинал решения см. на официальном сайте Европейского Суда по правам человека: <http://www.echr.coe.int/>

Российской Федерации (далее - Правительство) было представлено П. Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель, в частности, жаловался на то, что во время ареста он был подвергнут пыткам со стороны сотрудников органов внутренних дел, которые принуждали его дать признательные показания в изнасиловании и убийстве несовершеннолетней девушки. В результате он выпрыгнул в окно здания милиции и сломал позвоночник. Он также жаловался на то, что расследование данного дела было неэффективным. В этом отношении он ссылался на статьи 3 и 13 Конвенции.

4. Данная жалоба была направлена в Первую Секцию Суда (согласно п. 1 Правила 52 Регламента Суда). Внутри данной секции была сформирована Палата для рассмотрения настоящего дела (п. 1 ст. 27 Конвенции), как предусмотрено п. 1 Правила 26 Регламента Суда.

5. 24 мая 2004 года в Суд обратилась британская правозащитная неправительственная организация «Редресс Траст» (*Redress Trust*) с просьбой представить письменные комментарии при рассмотрении данной жалобы в качестве третьей стороны. В этой просьбе было отказано Председателем Суда, который, однако, обратил внимание «Редресс Траст» (*Redress Trust*) на то, что у нее остается возможность повторить свою просьбу в случае признания жалобы приемлемой.

6. 7 октября 2004 года Суд признал жалобу частично приемлемой.

7. Заявитель и Правительство представили Суду свои комментарии по существу дела (п. 1 Правила 59). В добавление к этому, «Редресс Траст» (*Redress Trust*) снова направила Суду просьбу о предоставлении своих письменных комментариев. Такой же запрос направила в Суд группа российских неправительственных правозащитных организаций, включая Фонд «Общественный Вердикт», Центр «Демос», «Человек и Закон» (г. Йошкар-Ола), Правозащитный Центр города Казани. В декабре 2004 года этим организациям было разрешено представить письменные комментарии в качестве третьей стороны (согласно п. 2 Статьи 36 Конвенции и п. 2 Правила 44). После получения комментариев третьих сторон заявитель и Правительство представили свои замечания (п. 5 Правила 44).

8. Палата Суда, после обсуждения со сторонами, приняла решение о том, что проведения слушания дела по существу не требуется (п. 3 Правила 59).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Разбирательство по делу в отношении заявителя

9. Заявитель родился в 1976 году и в настоящее время проживает в Нижнем Новгороде. Во время обжалуемых событий заявитель работал инспектором ГИБДД. 8 сентября 1998 года, не во время исполнения служебных обязанностей, заявитель и его друг Ф. встретили в г. Богородске Нижегородской области М.С., несовершеннолетнюю девушку. Заявитель подвез М.С. на своей машине до Нижнего Новгорода.

10. 10 сентября 1998 года мать М.С. заявила в Богородское РОВД о пропаже ее дочери. В 16-00 того же дня заявитель был арестован. Также арестован был Ф. и доставлен в Богородский РОВД. В отделении милиции заявитель и Ф. были допрошены в связи с исчезновением М.С.. Однако обвинения им предъявлено не было. После допроса сотрудники РОВД забрали у заявителя все документы и поместили в камеру предварительного заключения.

11. Вечером 10 сентября 1998 года начальник ГИБДД, являющийся вышестоящим должностным лицом по отношению к заявителю, пришел к нему в камеру и заставил

написать заявление об увольнении по собственному желанию, датированное задним числом (17 августа 1998 года).

12. 11 сентября 1998 года сотрудники милиции обыскали квартиру заявителя, его дачу, гараж и машину. Они обнаружили три патрона в машине заявителя.

13. 12 сентября 1998 года трое сотрудников Богородского ГОВД, Н., Т. и Д., составили так называемый “протокол об административном правонарушении” и направили его судье Богородского городского суда. В этом протоколе говорилось, что вечером 11 сентября 1998 года заявитель и Ф. совершили “нарушение общественного порядка” на вокзале. В тот же день судья вынес в отношении заявителя и Ф. решение об административном аресте на пять суток, начиная с 11 сентября 1998 года.

14. По словам заявителя, во время его нахождения под арестом в Богородском ГОВД, его постоянно допрашивали относительно исчезновения М.С.. Заявитель отрицал какую-либо причастность к ее исчезновению. Он сообщил, что неоднократно просил предоставить ему адвоката, но ему отказывали.

15. 16 сентября 1998 года милиция возбудила уголовное дело в связи с обнаружением патронов в машине заявителя во время обыска 11 сентября 1998 года (уголовное дело № 68205). К этому времени срок административного ареста заявителя истек, и заявитель был помещен под стражу в связи с возбужденным уголовным делом. Он был переведен в изолятор временного содержания (ИВС) Ленинского РУВД Нижнего Новгорода, которое проводило расследование данного уголовного дела.

16. Заявитель утверждал, что после его помещения в ИВС, допросы стали более частыми и даже жестокими. В частности, несколько раз сотрудники милиции били его и грозили применить пытки для того, чтобы заявитель признался в убийстве М.С.. В частности, они угрожали применить электрошоковые устройства и поместить в камеру с особо опасными преступниками, которые бы убили его, если бы узнали, что он являлся сотрудником правоохранительных органов.

17. 17 сентября 1998 года заявителя посетил адвокат, который был нанят матерью заявителя несколькими днями ранее в связи с возбуждением уголовного дела № 68205. По словам заявителя, в ходе беседы с адвокатом, он упомянул, что настоящей причиной задержания было исчезновение М.С.. Однако адвокат сказала, что она не может взяться за другое дело, поскольку ей за это не заплатили. На следующий день, по словам заявителя, следователь запретил адвокату посещать заявителя.

18. Тем временем Ф. признался сотрудникам органов, что видел, как заявитель изнасиловал и убил М.С.. Он указал следователям место, где они предположительно спрятали тело. Группа следователей отправилась туда, но ничего не было найдено.

19. 19 сентября 1998 года заявителя допрашивали в Ленинском РУВД в присутствии нескольких сотрудников прокуратуры и милиции, включая И. (старшего следователя милиции), С. (заместителя начальника РУВД), М.Р. (заместителя прокурора области), прокурора города Богородска и нескольких сотрудников Ленинского РУВД.

20. Заявитель утверждал, что его подвергали пыткам для того, чтобы он подтвердил показания Ф. По словам заявителя, когда он сидел прикованный наручниками к стулу, сотрудники милиции К. и О. подключали электричество к его ушам металлическими прищепками. Таким образом заявителя пытали несколько раз. Также заявителю угрожали жестоким избиением и подключением электрического тока к гениталиям. Один из сотрудников милиции сказал ему, что применение электротока может вызвать западание языка, который возможно достать только с помощью булавки.

21. По словам заявителя, сотрудники прокуратуры не присутствовали в кабинете, когда к нему применяли пытки электродами. Однако его два раза отводили в другой кабинет отделения милиции, где он несколько раз допрашивался следователями прокуратуры, в частности, М.Р. Заявитель жаловался М.Р. на плохое обращение, но последний никак не реагировал, и, когда заявитель отказался сознаться в убийстве М.С., М.Р. приказал сотрудникам милиции отвести заявителя “туда, откуда привели”.

22. Заявитель подтвердил, что, не выдержав пыток и оставшись на минуту без внимания, он вырвался и выпрыгнул из окна второго этажа здания милиции, желая

совершить самоубийство. Он упал на милицейский мотоцикл, припаркованный во дворе, и сломал позвоночник.

23. Заявитель, в сопровождении следователя К., был немедленно доставлен в больницу № 33 Нижнего Новгорода, где был осмотрен врачом М., который обнаружил различные травмы, причиненные падением из окна, в частности повреждения позвоночного столба и локомоторной системы.

24. В тот же день заявитель был перемещен в больницу № 39. Его мать приехала в больницу и попросила доктора К. включить описание ожогов на ушах заявителя в документ медицинского освидетельствования заявителя. Однако в просьбе ей было отказано. Она также просила об этом доктора С., который отвечал за лечение заявителя, и главного врача больницы. Однако ответа на просьбы матери заявителя не последовало.

25. 19 сентября 1998 года, в тот день, когда заявитель выпрыгнул из окна, М.С. вернулась домой невредимой. Она объяснила, что вечером 8 сентября 1998 года заявитель предложил подвезти ее. Она согласилась. Когда они приехали в Нижний Новгород, он предложил ей провести ночь у него дома, но она отказалась, и заявитель высадил ее. М.С. пошла к друзьям, жившим в Нижнем Новгороде, где и провела несколько дней, не сообщив об этом ничего своей матери.

26. 21 сентября 1998 года мера пресечения в виде содержания заявителя под стражей была отменена. 22 сентября 1998 года заявителю провели операцию на позвоночнике. Он оставался в больнице до 3 февраля 1999 года. 25 сентября 1998 года уголовное дело № 22346, возбужденное по подозрению в изнасиловании и убийстве М.С., было прекращено. Однако заявитель был привлечен в качестве подозреваемого в совершении похищения М.С. – уголовное дело № 22414.

27. 1 марта 1999 года расследование факта незаконного хранения патронов было прекращено на основании того, что в момент их обнаружения заявитель являлся сотрудником милиции и, следовательно, имел право носить оружие. 1 марта 2000 года (Правительство указывает другую дату – 10 мая 2000 года), уголовное дело относительно похищения М.С. было также прекращено за отсутствием состава преступления, поскольку заявитель отпустил М.С. по ее требованию.

В. Официальное расследование жалоб на жестокое обращение

28. 21 сентября 1998 года следователь прокуратуры Ленинского района Нижнего Новгорода возбудил уголовное дело по факту падения заявителя из окна 19 сентября 1998 года (дело № 68241).

29. Следователь допросил пятерых сотрудников Ленинского РОВД, которые принимали участие в допросе 19 сентября 1998 года. Они заявили, что не пытались заявителя и не видели, чтобы его кто-то пытал. Сотрудники милиции сказали, что в ходе допроса следователь К. сказал заявителю, что его друг Ф. подтвердил, что видел, как заявитель изнасиловал и убил М.С., и что самым мудрым со стороны заявителя выходом будет чистосердечное признание. Допрос заявителя был прерван для того, чтобы попить чай. Когда сотрудники милиции были заняты приготовлением чая, заявитель неожиданно вскочил со стула, подбежал к окну, разбил стекло и выпрыгнул.

30. Следователь также допросил Ф., который подтвердил, что на него не оказывалось никакого давления для того, чтобы заставить дать ложные показания относительно заявителя. Ф. объяснил, что дал показания против заявителя, потому что боялся обвинений в исчезновении М.С..

31. Далее следователь допросил врача К. из больницы № 39, который осматривал заявителя после случившегося 19 сентября 1998 года. Врач подтвердил, что в день произошедшего мать заявителя упоминала ожоги на ушах сына. Однако все травмы заявителя были вызваны падением из окна. В соответствии с медицинскими записями, у заявителя не было ожогов на ушах.

32. Б., сосед заявителя по палате в больнице № 39, также был допрошен следователем. Б. говорил об ожогах и царапинах на ушах заявителя, которые могли быть вызваны электрическими разрядами. Б. сказал, что он работал электриком и поэтому знает, какие ожоги могут быть получены от электрических проводов.

33. Следователь назначил медицинскую экспертизу заявителя. Медицинская экспертиза, датированная 26 октября 1998 года, показала, что у заявителя были раны на голове, царапины на подбородке и следы укусов на языке. Никаких ожогов или иных следов применения электрического тока не было зафиксировано.

34. 21 декабря 1998 года следователь прекратил уголовное дело по обвинению сотрудников милиции в связи с отсутствием доказательств. Следователь установил, что заявитель был арестован 10 сентября 1998 года в связи с исчезновением М.С.. 11 сентября 1998 года сотрудники милиции произвели обыск в машине заявителя и нашли три патрона. В тот же день заявителя и Ф. освободили. Однако вскоре после их освобождения инспектор Н. Богородского отделения милиции обнаружил серьезные фактические пробелы в их письменных показаниях. Инспекторы Н. и Д. последовали за заявителем и обнаружили его на вокзале. Заявитель нарушал спокойствие граждан, выражаясь нецензурной бранью. В результате заявитель был арестован снова и на следующий день на него был наложен административный арест за нарушение общественного порядка. 16 сентября 1998 года новое уголовное дело было возбуждено по факту обнаружения патронов в машине. 19 сентября 1998 года заявитель был снова арестован, по новому основанию. В тот же день он был переведен в ленинское РУВД, где его допрашивали несколько сотрудников милиции, включая сотрудников К. и О. После допроса заявитель неожиданно вскочил со стула, подбежал к окну, разбил стекло и выпрыгнул. Незамедлительно он был доставлен в больницу № 39. В тот же день М.С. вернулась домой.

35. Следователь ссылаясь далее на показания сотрудников милиции и врача К., медицинские записи, сделанные в больнице № 39, и результаты медицинской экспертизы от 26 октября 1998 года. Он также ссылаясь на мнение медицинского эксперта, который заявил, что применение электрического тока может оставлять следы на коже. Следователь отверг показания Б. по причине того, что последний “не имел специального медицинского образования”. Следователь пришел к выводу, что жалобы заявителя на пытки были необоснованными, и назвал их “защитным механизмом” в ответ на ситуацию, в которой заявитель пытался совершить самоубийство.

36. 25 января 1999 года областной прокурор возобновил дело и передал его тому же следователю для дальнейшего расследования. 25 февраля 1999 года следователь, ссылаясь на те же самые доказательства, что и ранее, и используя идентичные формулировки, снова прекратил уголовное дело. Он добавил, что следственные действия, на необходимость которых указал вышестоящий прокурор в постановлении от 25 января 1999 года, уже были предприняты в 1998 году. Принимая во внимание состояние здоровья заявителя, не представлялось возможным предпринять еще какие-то следственные действия, такие как очные ставки или судебная экспертиза.

37. 1 декабря 1999 года тот же вышестоящий прокурор возобновил расследование по уголовному делу и приказал провести дополнительные следственные действия, включая медицинское обследование заявителя и очные ставки между заявителем и сотрудниками милиции, которые предположительно его пытали. Данное дело было передано другому следователю. 24 февраля 2000 года следователь прекратил уголовное дело, основываясь на тех же самых аргументах, что и в постановлении от 21 декабря 1998 года.

38. 10 марта 2000 года тот же прокурор возобновил следствие по делу в третий раз и передал дело другому следователю.

39. В этот раз была допрошена мать заявителя. Она сказала, что 19 сентября 1998 года она приехала в больницу и видела, что на ушах сына были повреждения. Она просила, чтобы повреждения были зафиксированы, но врач больницы ей отказал, потому что “ему были даны соответствующие инструкции”.

40. Следователь также допросил медбрата больницы и четырех докторов из больницы

№ 39, которые отрицали то, что у заявителя были иные повреждения, за исключением вызванных падением из окна. Один из пациентов больницы № 39, где заявитель находился после случившегося, подтвердил, что заявитель рассказывал ему о пытках электротоком; однако, пациент сказал, что не видел следов ожогов на ушах заявителя. Ф., который навещал заявителя в больнице, сказал, что заявитель рассказывал ему о пытках, но Ф. не заметил явных следов пыток.

41. Следующий свидетель, старший офицер ГИБДД, под начальством которого работал заявитель перед арестом, предоставил следователю “личную характеристику” заявителя, описывая его как слабовольного человека. Следователь также получил результаты психологического теста, который заявитель проходил при поступлении на работу в ГИБДД. Тест показал, что заявитель “был склонен избегать конфликтов, являлся уязвимым человеком, поддающимся внешним влияниям”.

42. 21 июля 2000 года следствие было прекращено. Следователь заключил, что заявитель выпрыгнул из окна по собственному желанию, “руководствуясь личной оценкой ситуации, основанной на специфических психологических качествах его личности”.

43. 10 ноября 2000 года дело было возобновлено другим надзирающим прокурором. Ф. снова был допрошен. На этот раз Ф. подтвердил, что в Богородском отделении милиции его бил следователь А., пытаясь добиться от него признания в убийстве М.С.. Между 16 и 19 сентября 1998 Ф. постоянно допрашивали в Ленинском РУВД Нижнего Новгорода. В процессе допроса И., старший следователь милиции, бил и тряс его. И. также заявил, что Ф. будут пытать электрическим током, если он не сознается во вменяемых ему преступлениях. Ф. также допрашивал М.Р., заместитель областного прокурора. 18 сентября 1998 года Ф. подписал признательные показания и даже показал на карте место, где они вместе с заявителем предположительно спрятали тело.

44. После случившегося Ф. навещал заявителя в больнице. Заявитель рассказал ему про пытки электротоком. В ответ на это Ф. описал заявителю сотрудника правоохранительных органов, который угрожал ему; заявитель ответил, что это был тот же самый человек, который принимал участие в допросе 19 сентября 1998 года. В этом же году позже Ф. повторил это следователю по делу № 68241; однако, было решено не включать это признание в официальный протокол.

45. 29 декабря 2000 года следствие было снова прекращено следователем прокуратуры. По жалобе заявителя 27 мая 2001 года Нижегородский районный суд отменил постановление о прекращении и обязал прокуратуру продолжить расследование. Суд отметил, среди прочего, что объяснения заявителя были последовательными и подробными, и что дело должно быть расследовано более тщательно. Суд постановил, что другие пациенты из больницы, в которой находился заявитель после падения из окна, должны быть допрошены. Суд также постановил, что в отношении заявителя необходимо провести психологическую и психиатрическую экспертизу.

46. Следствие было продолжено. В этот раз следователь прокуратуры допросил врача М., который находился на дежурстве в больнице № 33, куда доставили заявителя после падения из окна. Врач сказал, что не заметил и не обрабатывал никаких повреждений на ушах заявителя. Такие же показания дали врачи К. и С. Они оба подтвердили то, что мать заявителя неоднократно просила их осмотреть уши сына, но они не обнаружили никаких следов. Пятеро пациентов больницы № 39 подтвердили, что заявитель рассказывал им о пытках электродами, но они не видели никаких следов или повреждений на ушах заявителя. То же самое показал и Ф.

47. Следователь также запросил психологическую и психиатрическую экспертизу заявителя. Обследование показало, что заявитель психически здоров, но пережил психологическую травму от случившегося и, в результате, физически недееспособен. На момент обследования психическое состояние заявителя характеризовалось эйфорическими реакциями, дружелюбностью, эмоциональностью и зависимостью от более сильной личности, а именно матери. Он не выказывал никаких суицидальных наклонностей. Заключение показало, что дать оценку психическому состоянию заявителя

на момент происшествия невозможно.

48. 19 мая 2001 года следствие было прекращено следователем по тем же самым основаниям, что и ранее.

49. Письмом от 5 августа 2002 года прокуратура Нижегородской области сообщила заявителю, что следствие по делу возобновлено и направлено в прокуратуру Ленинского района с соответствующими инструкциями для проведения дополнительных следственных действий. Заявитель ходатайствовал, чтобы допросили В., одного из пациентов больницы № 39.

50. 5 сентября 2002 прокуратура прекратила расследование, установив, что никакого преступления не было совершено, и, указав, среди прочего, на то, что найти свидетеля В. по его адресу было невозможно. Следователь пришел к заключению, что жалобы заявителя на пытки подтверждаются исключительно его собственными предположениями, которые в свете других собранных доказательств, представляются не соответствующими действительности.

51. Зная о том, что В. был инвалидом и пользовался инвалидной коляской, представители заявителя связались с В. и узнали, что его допрос был поручен следователю О., одному из сотрудников милиции, предположительно участвовавших в пытках. Инспектор О. доложил, что он несколько раз пытался допросить В., но не мог найти его по указанному адресу. 26 сентября 2002 года В. сообщил представителю заявителя, что кто-то, представившийся следователем, звонил ему один раз и говорил, что должен с ним поговорить. В. согласился ответить на вопросы, но ему никто не перезвонил.

52. 28 октября 2002 года прокуратура Нижегородской области отменила постановление от 5 сентября 2002 года. 28 ноября 2002 года прокуратура Ленинского района прекратила расследование по тем же основаниям. Заявитель направил жалобу на постановление о прекращении дела. Письмом от 24 июля 2003 года заявителю было сообщено, что прокуратура Нижегородской области не видит причин для отмены постановления о прекращении следствия по делу.

53. Как заявило Правительство государства-ответчика, областной прокурор возобновил расследование 6 ноября 2003 года и передал дело в прокуратуру Ленинского района. Несомненно, к концу декабря 2003 года дело было снова прекращено. 19 января 2004 года, по словам заявителя, расследование было возобновлено, а 26 января 2004 года дело было передано из прокуратуры Ленинского района в отдел особо важных преступлений областной прокуратуры.

54. Ф. был допрошен снова. Он подтвердил, что во время его нахождения в Ленинском РУВД в связи с исчезновением М.С., его били сотрудники милиции. Они также угрожали ему пытками электродами.

55. 19 февраля 2004 года следователь указанного отдела снова прекратил следствие, сделав вывод о том, что доказательств жестокого обращения с заявителем не было получено, и что все действия сотрудников милиции были законными. 4 марта 2004 года следствие было возобновлено, а затем прекращено 4 июля 2004 года. 3 августа 2004 года следствие было возобновлено прокуратурой области. 6 сентября 2004 года дело было опять прекращено. Затем, следствие по делу было возобновлено и, в соответствии с информацией Правительства, прекращено 20 октября 2004 года. 22 ноября 2004 года областной прокурор вновь возобновил следствие. По словам Правительства, срок для текущего этапа расследования был назначен на 2 апреля 2005 года.

56. В 2005 году (точная дата неизвестна) прокуратура предъявила обвинения двум сотрудникам милиции К. и С.М., которые принимали участие в допросе заявителя 19 сентября 1998 года. Материалы дела, совместно с обвинительным заключением, были направлены в Ленинский районный суд Нижнего Новгорода для последующего рассмотрения.

57. В процессе судебного слушания судом было допрошено множество свидетелей. Так, суд допросил К., С.М. и пятнадцать других сотрудников милиции, которые принимали участие в допросе 19 сентября 1998 года или находились в здании Ленинского

РОВД в тот день. Они все отрицали факт применения пыток к заявителю или то, что они слышали о подобных пытках. Суд также допросил В.К., бывшего сотрудника милиции, которая занималась делом заявителя, но лично не принимала участия в допросе. Она подтвердила, что слышала от коллег о том, что заявитель выпрыгнул из окна, потому что его пытали электродами.

58. Суд также заслушал показания заявителя, его матери, Ф., М.С. и врачей больницы, куда после падения был помещен заявитель. Они подтвердили свои первоначальные показания. Эксперт также был приглашен судом в качестве свидетеля. Он показал, что при определенных условиях электрический ток может не оставлять следов на теле человека. Суд также допросил В.З., который в августе 1998 года был доставлен в Ленинский РОВД по подозрению в краже. По словам В.З., двое сотрудников милиции допрашивали его, а потом пытали его электротоком так же, как описывал заявитель.

59. Суд заслушал других свидетелей и ознакомился с вещественными доказательствами и материалами, добытыми в ходе предварительного следствия. Так, суд ознакомился с показаниями Б., В. и С., соседей заявителя по палате в больнице № 39, а также с результатами медицинской и психиатрической экспертизы. Помимо этого суд исследовал кусок бумаги, который был найден при обыске в кабинете, где допрашивали заявителя 19 сентября 1998 года. На нем был недописанный отрывок, описывающий события 10 сентября 1998 года, в день, когда пропала М.С., под названием "Чистосердечное признание". Весь текст был написан заявителем собственноручно.

60. На основании указанных выше доказательств суд установил, что 19 сентября 1998 года заявитель был доставлен в Ленинский РУВД, где его допрашивали несколько сотрудников милиции и прокуратуры. Они требовали от него признаться в изнасиловании и убийстве М.С. и показать, где он спрятал тело. Для того, чтобы получить признание от заявителя, сотрудники милиции К. и С.М. подключали к заявителю электрический ток, используя устройства, крепящиеся к ушам. Суд отметил, что в своих первоначальных показаниях заявитель жаловался на то, что его пытали К. и О. Однако, на последующем опознании заявитель узнал следователя С.М. как одного из двух сотрудников, пытавших его. Не в состоянии выносить боль, заявитель согласился подписать признание, но оставленный без внимания, предпринял попытку самоубийства, выпрыгнув из окна. Он упал на мотоцикл, припаркованный во дворе, и сломал позвоночник.

61. 30 ноября 2005 года Ленинский районный суд Нижнего Новгорода признал К. и С.М. виновными в совершении преступления, предусмотренного частью 3, пунктами «а» и «б» статьи 286 Уголовного кодекса РФ (совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, с применением насилия или с угрозой его применения, с применением оружия или специальных средств). Они были приговорены к четырем годам лишения свободы с запретом занимать должности в правоохранительных органах в течение трех лет. В соответствии с информацией, имеющейся у Суда, приговор от 30 ноября 2005 года не является окончательным.

С. Неофициальное расследование событий, произошедших 10 - 19 сентября 1998 года

62. Летом 1999 двое активистов региональной правозащитной организации (Нижегородский Комитет против пыток) опросили нескольких человек о событиях сентября 1998, на которые жаловался заявитель. Их показания были записаны на видеопленку.

63. В этих объяснениях Ф. показал, что он был арестован 10 сентября 1998 года. Находясь в отделении милиции, он был неоднократно подвергнут побоям и угрозам с целью получения от него признания в убийстве М.С.. 17 сентября 1998 года он был

допрошен старшим следователем милиции И., который наносил ему удары и угрожал поместить в “камеру под землей”, где его предполагалось бить и пытаться током до тех пор, пока глаза Ф. не начнут кровоточить.

64. 18 сентября 1998 года для заявителя и Ф. была организована короткая очная ставка. Ф. подтвердил, что видел синяки на шее заявителя. Вечером Ф. снова допрашивали, в этот раз в присутствии заместителя областного прокурора М.Р. и Богородского городского прокурора, а также нескольких сотрудников милиции. М.Р. угрожал, что посадит Ф. в камеру с преступниками с гомосексуальными наклонностями, которые изнасиловали его, или в камеру с заключенными, больными туберкулезом. Он также угрожал, что если в камере Ф. выживет, то его приговорят к 25 годам тюремного заключения или смертной казни.

65. Ф. признался, что изнасиловал и убил девушку вместе с заявителем. По требованию М.Р. Ф. назвал место, где они, совместно с заявителем, предположительно спрятали тело. Следственная группа отправилась в указанное место, но ничего там не обнаружила. 20 сентября 1998, после того, как девушка вернулась домой, Ф. был освобожден.

66. По словам Б., соседа заявителя по палате в больнице № 39, после того, как его привезли в больницу, заявитель рассказал ему про обстоятельства ареста и, в частности, про пытки электродами. Заявитель показал Б. ожоги на ушах, которые выглядели как “лопнувшие волдыри”. В соответствии с показаниями М., другого пациента больницы, перед тем, как заявителя доставили в больницу, милиция предостерегла персонал, что он является опасным преступником. От пациентов потребовали спрятать все острые металлические предметы. М. также вспомнил, что на ушах у заявителя были красные пятна, “как будто его дергали за уши”. М. также вспомнил, что мать заявителя просила врачей осмотреть его уши, но они отвечали, что все нормально. В. подтвердил, что во время нахождения в больнице он слышал от заявителя о пытках и видел, как его мать просила врачей осмотреть уши. В. также подтвердил, что на ушах у заявителя были повреждения, но сказал, что они не были похожи на волдыри, насколько он их запомнил.

67. Активисты НПО также опросили Л. и К., понятых, присутствовавших при обыске машины заявителя.

68. В декабре 2000 года активисты НПО опросили Ф. еще раз и записали опрос на видео с целью выяснения причин несоответствия его показаний в официальных материалах дела тому, что он рассказал НПО и средствам массовой информации. Ф. утверждал, что следователи, допрашивая его в рамках следствия по уголовному делу, не принимали во внимание его показания относительно участия заместителя областного прокурора М.Р. в произошедшем в сентябре 1998 года.

Д. Иные процессуальные действия, предпринятые заявителем в связи с событиями 10 - 19 сентября 1998 года

69. В неустановленный день в 1998 году прокурор направил протест о пересмотре в порядке надзора решения суда от 12 сентября 1998 года, в соответствии с которым заявителю было назначено пять суток административного ареста. 2 декабря 1998 года председатель Нижегородского областного суда отменил данное решение. Председатель суда отметил, что решение было основано на информации сотрудников Богородского ГОВД, которые утверждали, что арестовали заявителя на вокзале 11 сентября 1998 года. Однако в это время заявитель фактически находился под стражей в связи с исчезновением М.С..

70. 23 марта 2000 года прокурор возбудил уголовное дело в отношении трех сотрудников Богородского ГОВД (уголовное дело № 310503) по обвинению в лжесвидетельстве в отношении предполагаемого задержания заявителя на вокзале. Следователь прокуратуры подтвердил, что заявителя не было на вокзале 11 сентября 1998,

поскольку в это время он был уже задержан и находился в камере предварительного заключения. Однако 3 ноября 2000 года обвинения в отношении сотрудников милиции были сняты по причине “изменения ситуации” в виду того, что один из сотрудников уже был уволен из органов милиции, а остальные были переведены на другие должности в структуре МВД.

71. Правительство заявило, что 25 мая 2001 года следствие по уголовному делу № 310503 было возобновлено прокуратурой и передано для расследования в Павловскую городскую прокуратуру. 20 октября 2002 года уголовное дело было прекращено в связи с истечением сроков для уголовного преследования сотрудников правоохранительных органов. Данное постановление было отменено городским прокурором и следствие по делу было возобновлено. 1 апреля 2004 года уголовное дело в отношении трех сотрудников милиции было передано в суд первой инстанции совместно с обвинительным заключением. 27 апреля 2004 года дело было прекращено в связи с истечением сроков привлечения к уголовной ответственности. 19 ноября 2004 года Нижегородский областной суд отменил данное решение и возвратил дело на повторное рассмотрение в суд первой инстанции. Как утверждает Правительство государства-ответчика, рассмотрение дела продолжается.

72. 19 декабря 2001 года заявитель подал в Ленинский районный суд гражданский иск, с требованием выплаты компенсации за необоснованное уголовное преследование, необоснованное увольнение, незаконный обыск принадлежащего ему имущества, помещение под стражу и жестокое обращение. Адвокат заявителя попросил суд запросить из прокуратуры материалы дел № 68241, 310503 и 68341. Заявитель и его представитель утверждали, что доказательства, собранные следствием, необходимы и достаточны для обоснования поданного гражданского иска. 22 апреля 2002 года Ленинский районный суд запросил материалы дел из соответствующих органов прокуратуры. 6 июля 2002 года материалы уголовного дела № 68241 были представлены в суд. Они были отозваны через три дня прокуратурой. 27 июля 2002 года материалы дела были вновь представлены в суд. 1 августа по заявлению прокурора материалы дела были возвращены прокуратуре. 23 октября 2002 года представитель заявителя попросил суд отложить рассмотрение иска.

73. Приказ об увольнении заявителя от 17 августа 1998 года был признан недействительным и заявитель был восстановлен в своей прежней должности. Сотрудники, ответственные за его незаконное увольнение, были привлечены к дисциплинарной ответственности. Однако, учитывая свою полную инвалидность, заявитель вынужден был уволиться из ГИБДД.

Е. Состояние заявителя в настоящее время

74. Заявитель является инвалидом и получает государственную пенсию по инвалидности. Правительство отметило, что в связи со случившимся, он также получил единовременное страховое возмещение от государства в размере 60 302 рублей (около 1 740 евро по текущему курсу обмена).

75. Заявитель представил заключение от 29 ноября 2004 года, выполненное врачом Л. Магнутовой, специалистом по судебной медицине. В заключении говорилось, что заявитель страдает от остеомиелита, его ноги парализованы, он не может работать и страдает от тяжелой дисфункции мочеиспускательных органов, а также от потери сексуальной функции. Он прикован к постели и постоянно нуждается в медицинской сестре для помощи в мочеиспускании и опустошении кишечника. Также у заявителя была угроза сепсиса. Он нуждается в регулярном медицинском обследовании, как минимум, два – три раза в год.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

А. Гражданско-правовые средства защиты от незаконных действий представителей государства

76. Гражданский кодекс РФ, который вступил в силу 1 марта 1996, предусматривает, что вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению (ст. 1069 Гражданского кодекса РФ). Статьи 151 и 1099-1101 Гражданского Кодекса предусматривают компенсацию за моральный вред. Статья 1099, в частности, гласит, что моральный вред должен быть возмещен независимо от возмещения материального вреда.

В. Уголовно-правовые средства защиты от незаконных действий представителей государства

77. П. «е» ч. 2 ст. 117 Уголовного Кодекса РФ предусматривает в качестве наказания за пытки до семи лет лишения свободы. Статья 110 Уголовного Кодекса РФ предусматривает наказание за доведение до самоубийства вплоть до пяти лет лишения свободы. В соответствии с п.п. а, б ст. 286, злоупотребление должностными полномочиями, совершенное с применением насилия и повлекшее серьезные последствия, наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

С. Официальное расследование преступлений

78. Согласно статьям 108 и 125 Уголовно-Процессуального Кодекса 1960 года (был действителен до 2002 года), уголовное дело может быть возбуждено следователем прокуратуры по жалобе частного лица или органами следствия по собственному усмотрению. Статья 53 Кодекса гласит, что лицо, понесшее вред, причиненный преступлением, наделяется статусом потерпевшего и может принимать участие в уголовном процессе как гражданский истец. Во время расследования потерпевший может представлять доказательства и подавать жалобы и ходатайства, и как только расследование по делу заканчивается, он имеет полный доступ к материалам дела.

79. В соответствии со статьями 210 и 211 Кодекса, прокурор являлся лицом, ответственным за общий надзор за расследованием. В частности, прокурор мог отдавать распоряжения о проведении определенных следственных действий, о передаче дела другому следователю, о возобновлении расследования.

80. В соответствии со статьей 209 Кодекса, следователь, проводящий расследование, может прекратить уголовное дело по причине отсутствия состава преступления. Данное постановление может быть обжаловано вышестоящему прокурору или в суд. Суд может обязать возобновить расследование, если сочтет его неполным.

81. Статья 210 Кодекса предусматривает, что уголовное дело может быть возобновлено прокурором “если на это имеются основания”. В случае, если сроки давности для данного вида преступления истекли, то расследование нельзя возобновить.

82. Статья 161 Кодекса предусматривает, что, по общему правилу, информация, полученная в ходе расследования, не является общедоступной. Доступ к данной информации может быть разрешен органами следствия в том случае, если это не

помешает проведению расследования и не нарушит права и законные интересы участников процесса. Информация частного характера не может разглашаться без согласия конкретного лица, которого эта информация касается.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

83. Заявитель жалуется на применение бесчеловечного обращения к нему во время нахождения в отделении милиции, особенно во время допроса в Ленинском РУВД 19 сентября 1998 года и на отсутствие эффективного расследования данного факта. Он ссылается на статью 3, которая предусматривает:

Статья 3 – Запрет пыток

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.”

A. Предварительные возражения Правительства

84. Правительство указало на то, что расследование обстоятельств данного дела до сих пор продолжается и никакого окончательного решения на национальном уровне еще не принято. Ссылаясь на это, Правительство считает, что заявитель не выполнил требование по исчерпанию всех внутригосударственных средств правовой защиты по жалобе на бесчеловечное обращение. Что касается его заявлений о неэффективности расследования, то они, соответственно, были преждевременными.

85. Заявитель возражал против мнения Правительства. Он указывал на то, что на момент его обращения в Суд следствие по его делу прекращалось и возобновлялось семь раз. Не было возможности получить никакие новые доказательства, и все последующие попытки расследовать данное дело были бы абсолютно бесплодны. Расследование продолжалось более семи лет и, в конце концов, доказало свою неэффективность. Именно поэтому, по мнению заявителя, он не должен дожидаться окончания расследования.

86. Суд в этой связи напоминает, что, если лицо предьявляет обоснованную жалобу относительно того, что с ним жестоко обращалась полиция, рассмотрение жалобы в порядке уголовного судопроизводства может быть признано эффективным средством правовой защиты в соответствии со статьей 35 п. 1 Конвенции (см. «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and others v. Bulgaria*), № 24760/94, от 27 июня 1996 года, DR 86-B, р. 71). Действительно, по общему правилу, Государству должен быть предоставлен шанс провести расследование по делу и дать ответ на предполагаемые обвинения в жестоком обращении. В то же время “заявитель не должен, исчерпывать средства правовой защиты, которые теоретически предоставляют возмещение, однако на практике не предоставляют шанса восстановить нарушенные права” (см. «Уаулер против Турции» (*Yoyler v. Turkey*), № 26973/95, от 13 января 1997 года; см. также «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*) Постановление от 30 августа 1996 года, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV, р. 1210, § 68). Если избранное средство правовой защиты было теоретически адекватным, но с течением времени, доказало свою неэффективность, заявитель больше не обязан исчерпывать его (см., «Тепе против Турции» (*Tepe v. Turkey*), 27244/95, решение Комиссии от 25 ноября 1996 года).

87. Суд считает, что обстоятельства падения заявителя из окна составляют “обоснованную жалобу” на бесчеловечное обращение; что заявитель воспользовался

возможностью возбудить уголовное преследование против сотрудников органов внутренних дел путем подачи жалобы в органы, которые обладали компетенцией по рассмотрению дела, и что по делу до сих пор проводится расследование. По этим основаниям в своем решении о приемлемости данной жалобы Суд посчитал, что возражения Правительства должны разбираться одновременно с рассмотрением дела по существу.

88. Суд считает, что предварительные возражения Правительства поднимают вопросы, которые должны быть рассмотрены совместно со статьями Конвенции, на нарушение которых ссылается заявитель. Эти вопросы, соответственно, рассмотрены ниже.

89. 29 декабря 2005 года Правительство сообщило Суду о решении от 30 ноября 2005 года суда Ленинского района г. Нижнего Новгорода, в соответствии с которым был вынесен приговор по уголовному делу, возбужденному по факту применения к заявителю бесчеловечного обращения сотрудниками милиции. Правительство указало, что приговор еще не вступил в законную силу и Суд будет извещен о развитии ситуации по делу.

90. Хотя Правительство не упоминало об этом сообщении, Суд выяснил, повлияло ли это новое обстоятельство на статус заявителя в качестве жертвы в соответствии со статьей 34 Конвенции. В этом отношении Суд напоминает о том, что решение или какие-либо меры, принятые во благо заявителя, не являются эффективными и достаточными для того, чтобы лишить его статуса жертвы, до тех пор, пока национальные власти не признали, формально или по существу, нарушение в отношении заявителя норм Конвенции и не обеспечили получение компенсации причиненного вреда (см., например, «Амур против Франции» (*Amuur v. France*), Постановление от 25 июня 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III, р. 846, § 36, и «Далбан против Румынии» (*Dalban v. Romania*) [GC], №. 28114/95, § 44, ECHR 1999-VI). В настоящем деле Суд отмечает, что, во-первых, решение от 30 ноября 2005 года не является окончательным и может быть пересмотрено и отменено кассационной инстанцией. Во-вторых, несмотря на тот факт, что бесчеловечное обращение было признано судом первой инстанции, заявитель не получил никакой компенсации. В-третьих, решение от 30 ноября 2005 года было принято только в отношении бесчеловечного обращения и не касалось недостатков расследования, что является одной из главных жалоб заявителя по данному делу. Следовательно, хотя вышеупомянутое судебное решение должно рассматриваться как неотъемлемая часть следственного процесса, оно, по обстоятельствам дела, не повлияло на статус жертвы.

В. Предполагаемая неадекватность расследования

1. Правительство

91. Правительство не представило никаких соображений по существу данной жалобы. Более того, в ответ на запрос Суда предоставить дополнительную информацию и документы, Правительство отказалось предоставить Суду материалы уголовного дела по факту бесчеловечного обращения сотрудников милиции с заявителем и происшествия, имевшего место 19 сентября 1998 года. Правительство сослалось на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ, устанавливающую, что материалы предварительного расследования могут быть открыты для публичного доступа только по решению органа следствия и только в том случае, если их разглашение не помешает процессу расследования и не нарушит права других участников уголовного процесса.

2. Заявитель

92. Заявитель утверждает, что государство нарушило свои позитивные обязательства провести расследование его дела в соответствии со статьей 3 Конвенции. Обстоятельства падения заявителя из окна, как минимум, обосновывают жалобу на предполагаемое

бесчеловечное обращение. Именно государство было обязано провести эффективное и тщательное расследование его предположений. Однако было предпринято очень мало для расследования дела, и предпринятые меры были не адекватными действительности и неэффективными.

93. Заявитель отметил многочисленные недостатки официального расследования. Так, медицинская экспертиза была проведена только 26 октября 1998 года, то есть по прошествии месяца после произошедших с ним событий. Принимая во внимание, что видимые следы подобных видов пытки исчезают очень быстро, медицинское освидетельствование было проведено с очень большим опозданием. Невидимые повреждения на коже, вызванные воздействием электрического тока на уши заявителя, могли бы быть обнаружены в ходе биологического анализа в течение двух недель после происшествия. Однако медицинская экспертиза заявителя свелась исключительно к его простому визуальному осмотру.

94. Кроме того, следователь не провел очной ставки между заявителем и сотрудниками милиции, пытавшими его. Опознание подозреваемых проведено спустя примерно два года после случившегося. Единственные независимые свидетели, которые были допрошены на первой стадии расследования, – Б. и врач К. На протяжении длительного периода времени (с 21 сентября 1998 года по 24 января 2000 года) прокуратура отказывалась установить личности и допросить персонал и других пациентов больницы № 39. Это мероприятие было проведено только после многочисленных жалоб со стороны заявителя и его представителей, к этому времени подробности события, произошедшего в сентябре 1998 года, частично были забыты свидетелями.

95. Заявитель привлек внимание Суда к отсутствию независимости в процессе расследования по причине двойной ответственности сотрудников прокуратуры, в соответствии с которой они осуществляют уголовное преследование и надзор за законностью расследования. В деле заявителя ситуация была затруднена также тем, что сотрудник прокуратуры М.Р., который контролировал проведение допроса заявителя 19 сентября 1998 года, исполнял обязанности заместителя прокурора Нижегородской области. Следовательно, следователи районных и городской прокуратур получали приказы от М.Р. Заявитель ссылается на показания Ф. от 7 декабря 2000 года, когда последний указал, что во время предыдущего допроса следователь не записывал и искажал его показания относительно вовлеченности М.Р. в происшествие, случившееся 10-19 сентября 1998 года. М.Р. вообще не допрашивался во время расследования и на настоящий момент не может быть допрошен, так как скончался летом 2002 года.

96. В августе 2002 года заявитель попросил прокуратуру допросить В., одного из пациентов больницы № 39, но эта просьба оказалась безрезультатна. 5 сентября 2002 года прокуратура прекратила дело, указывая, среди прочего, на то, что невозможно было найти В. в месте его проживания. Зная, что В. был инвалидом и передвигался только в инвалидном кресле, представители заявителя связались с В. и выяснили следующее. Следователь Н., который занимался делом заявителя, поручил милиции Ленинского района найти В. Исполнение данного поручения было поручено О., одному из сотрудников милиции, предположительно принимавших участие в пытках. О. доложил, что несколько раз он пытался допросить В., но не смог найти его по указанному адресу. 26 сентября 2002 года В. рассказал представителям заявителя, что кто-то, представившийся следователем, звонил ему и говорил, что должен задать несколько вопросов. В. выразил готовность быть опрошенным, но ему потом никто не перезвонил.

97. По мнению заявителя, отсутствие независимости при проведении расследования проявилось как при сборе доказательств, так и в характере их оценки следователями. Так, следователь прокуратуры не принял к сведению показания Б., соседа заявителя по больничной палате. Следователь не учел показания других пациентов больницы. Расследование было недостаточно тщательным для того, чтобы соответствовать требованиям статьям 3 и 13 Конвенции, и не отражает никаких серьезных попыток властей выяснить, что на самом деле произошло с заявителем во время его ареста. Напротив, расследование выглядело так, как будто его целями являлись сокрытие

совершенных нарушений и защита ответственных должностных лиц.

98. В заключение, заявитель сообщил, что непредоставление Правительством своих комментариев по существу дела, вместе с его нежеланием предоставить материалы уголовного дела, должны быть истолкованы в поддержку позиции заявителя как по материальным, так и по процессуальным основаниям применения статьи 3 Конвенции.

3. Заявления третьих лиц и ответное заявление Правительства

99. В своих письменных комментариях неправительственная правозащитная организация «Редресс Траст» (*Redress Trust*) напомнила общие правила, принятые Европейским Судом и иными международными органами в отношении запрета пыток и иных видов жестокого обращения. Более того, «Редресс Траст» (*Redress Trust*) и группа российских НПО считают, что в российской системе расследования уголовных дел отсутствует ряд существенных процессуальных гарантий, которые, в первую очередь, обеспечивают права подследственных и, во-вторых, защищают интересы жертв пыток и предполагаемого жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов. Они подчеркнули, что на практике эффективность официального расследования жалоб на применение жестокого обращения сотрудниками правоохранительных органов очень низка, в основном потому, что следствие по таким делам чаще всего ведется теми же органами, которые предположительно вовлечены в данные противозаконные действия. Они также отметили ряд других факторов, которые, по их мнению, подрывают эффективность официального расследования предполагаемых пыток и жестокого обращения на стадии предварительного следствия.

100. Правительство возражало против участия в деле данных НПО в качестве третьих лиц и поэтому попросило Суд отвергнуть их заключения как необоснованные и не имеющие отношения к делу. Далее Правительство проинформировало Суд, что, вопреки заключениям НПО, правовой механизм защиты жертв пыток в России существует и развивается. Во-первых, Российская Конституция запрещает любые виды жестокого обращения. Далее, статья 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ также предусматривает, что стороны уголовного процесса не могут подвергаться никаким проявлениям жестокости или угрозе ее применения. Вдобавок Уголовный кодекс РФ предусматривает наказание за применение пыток (статья 117), превышение должностных полномочий (статья 286) и принуждение к даче показаний (статья 302). И, наконец, статья 1070 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что вред, причиненный незаконным арестом, уголовным преследованием и наказанием, должен быть возмещен государством независимо от вины вовлеченных в это государственных органов или их должностных лиц.

101. В завершение, Правительство сообщило Суду, что существующие правовые механизмы эффективно применяются на практике. Так, в 2003 – 2004 годах прокуроры обнаружили 685 нарушений закона, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, в результате чего 350 сотрудников были подвергнуты дисциплинарным наказаниям. Между 2000 и 2004 годом прокуратура предъявила обвинение сотрудникам правоохранительных органов по пяти делам по статье 117 п. 2 (д) УК РФ. За тот же самый период было расследовано 42 дела по нарушениям статьи 302 УК РФ (принуждение к даче показаний) и 25 из них переданы в суд. Более того, 3 388 дел, касающихся злоупотребления должностными полномочиями было передано в суд, что привело к наказанию 4 204 сотрудников. Правительство представило отрывки из двух приговоров, которые, по его мнению, подтверждают эффективность вышеуказанных средств правовой защиты. Правительство также ссылалось на другие дела, в соответствии с которыми сотрудники правоохранительных органов были успешно наказаны национальными судами за применение обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции.

4. Оценка Суда

а) Судебная Оценка доказательств, представленных по данному делу

102. Суд повторяет, что предположения о применении жестокого обращения должны быть подкреплены соответствующими доказательствами (см., *mutatis mutandis* (с учетом соответствующих изменений – прим. перев.), «Клаас против Германии» (*Klaas v. Germany*), постановление от 22 сентября 1993 года, Series A no. 269, pp. 17-18, § 30). Для оценки доказательств Суд применяет стандарт доказывания “вне разумного сомнения”. Однако, когда рассматриваемые события полностью или частично находятся в сфере исключительного ведения властей, как в случае с лицами, находящимися под их контролем в заключении (как и в этом деле), достаточно обоснованные предположения возникают в случае, если во время такого заключения этим лицам причинены травмы. В подобных случаях бремя доказательства может быть возложено на власти, которые должны представить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), [GC], № 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII). При отсутствии таких объяснений Суд может приходиться к выводам, которые могут быть неблагоприятными для Правительства-ответчика (см. «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*), № 25656/94, §. 274, постановление от 18 июня 2002 года).

103. В настоящем деле для того, чтобы оценить по существу жалобы заявителя в свете предъявленных предполагаемых обвинений, Суд запросил у Правительства-ответчика копии материалов, относящихся к делу, в частности, копии уголовного дела № 68241. Правительство, ссылаясь на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса, процитированную выше, отказалось предоставить Суду запрошенные материалы. Правительство также не предоставило никаких комментариев по существу дела.

104. Суд установил, что статья 161 Уголовно-процессуального кодекса, на которую сослалось Правительство, оставляет вопрос о разглашении материалов дела на усмотрение органов следствия. Статья также устанавливает, что разглашение материалов не должно мешать проведению следствия или нарушать законные интересы лиц, участвующих в уголовном процессе. Правительство не объяснило, каким образом представление запрошенных материалов может нанести ущерб интересам следствия или вовлеченных лиц. Правительство не предоставило никаких внятных объяснений своего отказа в предоставлении документов и информации, которая явно находится в их распоряжении.

105. При данных обстоятельствах Суд полагает, что может сделать определенные выводы по поводу действий Правительства и изучить дело по существу на основании той информации, которая предоставлена заявителем, и существующих материалов, несмотря на то, что материалы и информация, представленная заявителем оставляет некоторые вопросы неясными. Суд также обязательно принимает во внимание доказательства, представленные на слушании в Ленинском районном суде г. Нижнего Новгорода 30 ноября 2005 года.

б) Предполагаемая неэффективность расследования происшествия 19 сентября 1998 года

106. В отношении эффективности проведенного расследования, Суд принимает во внимание критические замечания третьих лиц в отношении российской системы уголовного правосудия и контраргументы Правительства. Однако Суд не ставит перед собой задачу оценить недостатки этой системы в целом. Суд остановится на конкретных обстоятельствах дела для того, чтобы определить, делают ли расследование «неэффективным» с точки зрения статьи 3 Конвенции те недостатки, на которые ссылается заявитель.

і. Общие принципы

107. Прежде всего, Суд вынужден повторить, что отсутствие результатов какого-либо проведенного расследования само по себе не свидетельствует о его неэффективности: обязательство расследования “это не обязательство достигнуть результата, а обязательство применить меры” (см., «Пол и Одри Эдвардс против Великобритании» (*Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*), №. 46477/99, §. 71, ECHR 2002-II). Не каждое расследование должно обязательно быть удачным или привести к результату, совпадающему с изложением фактов заявителем; однако, оно должно в принципе быть способно к установлению обстоятельств дела и, в случае обоснованности жалоб заявителя, к установлению личности и наказанию виновных (см., *mutatis mutandis* (с учетом соответствующих изменений - прим. перев.) «Махмут Кайа против Турции» (*Mahmut Kaya v. Turkey*), №. 22535/93, §. 124, ECHR 2000-III).

108. Таким образом, расследование по серьезным обвинениям в жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что государственные органы должны всегда предпринимать серьезные попытки установить, что на самом деле произошло, и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования либо для принятия решений (см. «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), постановление от 28 октября 1998 года, *Reports* 1998-VIII, § 103 и последующие решения). Власти должны предпринимать все доступные и разумные шаги для того, чтобы собрать доказательства по делу, включая, среди прочего, свидетельства очевидцев, медицинские свидетельства и т.д. (см. *mutatis mutandis* (с учетом соответствующих изменений - прим. перев.), «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), процитировано выше, §. 106, ECHR 2000-VII; «Танрикулу против Турции» (*Tanrikulu v. Turkey*) [GC], №. 23763/94, ECHR 1999-IV, §. 104 и последующие решения; а также «Гал против Турции» (*Gül v. Turkey*), №. 22676/93, §. 89, от 14 декабря 2000 года). Любой недостаток расследования, подрывающий возможность установить причину происхождения травм или личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта.

109. Далее, расследование должно соответствовать обстоятельствам дела. В делах, касающихся нарушений статей 2 и 3 Конвенции, где эффективность официального расследования имеет первостепенное значение, Суд часто оценивает то, насколько своевременно среагировали государственные органы на жалобу (см. «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*) [GC], №. 26772/95, §. 133 и последующие дела, ECHR 2000-IV). Суд принимает во внимание дату начала расследования, учитывает задержки при проведении следственных действий (см. «Тимуртас против Турции» (*Timurtas v. Turkey*), №. 23531/94, §. 89, ECHR 2000-VI; и «Текин против Турции» (*Tekin v. Turkey*), решение от 9 июня 1998 года, *Reports* 1998-IV, § 67), и продолжительность предварительного следствия (см. «Инделикато против Италии» (*Indelicato v. Italy*), №. 31143/96, §. 37, от 18 октября 2001 года).

110. В завершение, Суд вновь повторяет, что для того, чтобы расследование дел о жестоком обращении было эффективным, оно должно быть независимым (см. «Огюр против Турции» (*Öğür v. Turkey*), [GC], №. 21954/93, ECHR 1999-III, п. п. 91-92; см. также «Махмет Эммин Юксел против Турции» (*Mehmet Emin Yüksel v. Turkey*), №. 40154/98, §. 37, от 20 июля 2004 года). Таким образом, расследование утрачивает независимость, когда его производят сотрудники того же подразделения или органа, к которому принадлежат подозреваемые в применении жестокого обращения (см. «Гулек против Турции» (*Güleç v. Turkey*), решение от 27 июля 1998 года, *Reports* 1998-IV, §§ 80-82). Независимость расследования предполагает не только отсутствие иерархической или должностной связи, но также независимость на практике (см., например, дело «Эрги против Турции» (*Ergi v. Turkey*), решение от 28 июля 1998 года, *Reports* 1998-IV, §§ 83-84, в котором следователь прокуратуры, расследовавший факт смерти девочки в предполагаемом столкновении сотрудников службы безопасности и членов ПМК, явно не был независимым, поскольку основывался на информации жандармов, замешанных в этом происшествии).

ii. Применение общих принципов к данному делу

111. Во-первых, нельзя сказать, что государственные органы оставались абсолютно пассивными в настоящем деле. Так, следователь допросил нескольких сотрудников Ленинского РОВД, врачей и пациентов больниц № 33 и 39, запросил медицинскую карту заявителя и результаты экспертиз его физического и психического состояния, и т.д.. Однако, поскольку материалы уголовного дела отсутствуют, Суду представляется невозможным оценить качество произведенных следственных действий, то есть определить, как и когда были получены доказательства, какие вопросы были поставлены следствием перед свидетелями и экспертами, насколько тщательно их ответы были воспроизведены в документах следствия, и т.д.

112. Во-вторых, материалы, представленные Суду, а именно постановления следователей о прекращении расследования уголовного дела, раскрывают ряд существенных упущений официального предварительного следствия. Так, неясно, были ли предприняты попытки обыска места, где заявитель предположительно подвергся пыткам и каков был результат этих попыток. Тот факт, что такой обыск был произведен, и очень важное доказательство (признание, написанное заявителем) было обнаружено, был упомянут только в решении суда от 30 ноября 2005 года. Следователь не пытался найти и допросить лиц, содержащихся вместе с заявителем в Богородском ГОВД или Ленинском РУВД в период между 10 и 19 сентября 1998 года, которые могли бы предоставить важную информацию относительно поведения заявителя перед попыткой самоубийства; также остается неясным, был ли сосед заявителя по палате В. вообще когда-либо допрошен следователем.

113. В-третьих, ряд следственных действий был предпринят с необоснованными задержками. Заключение медицинской экспертизы, например, датировано 26 октября 1998 года, то есть более пяти недель после предполагаемых пыток. Сотрудники милиции, подозреваемые в применении жестокого обращения, были вызваны в прокуратуру для опознания только спустя два года после происшествия. Мать заявителя была допрошена только в 2000 году, а врач больницы № 33 - только в 2001 году, несмотря на то, что они были одними из первых, кто видел заявителя после инцидента. Следователь также не допросил персонал и пациентов больницы № 39 до января 2000 года (кроме Б. и врача К., которые были допрошены в ходе первоначального расследования). В завершение, психиатрическая экспертиза состояния заявителя была проведена только в 2001 году, несмотря на тот факт, что его психическое состояние прокуратура выдвигала в качестве главного объяснения попытки совершения самоубийства, и основания для прекращения уголовного дела.

114. Суд также отмечает, что все решения о возобновлении расследования по делу содержали в себе указания на необходимость проведения более тщательного дальнейшего расследования. Однако этим указаниям следователи, ответственные за расследование данного уголовного дела, не всегда следовали. Поэтому постановление о прекращении уголовного дела от 25 февраля 1999 года основывалось на тех же самых аргументах, что и постановление от 21 декабря 1998 года. Постановление от 24 февраля 2000 года было также основано на тех же самых доказательствах и той же аргументации. Только после 2000 года, вследствие передачи данного дела другому следователю, расследование продвинулось, а в следственных постановлениях появились новые аргументы и информация. Однако драгоценное время было потеряно и, по мнению Суда, это не могло не сказаться отрицательно на успехе расследования.

115. В-четвертых, Суд отмечает, что существовала очевидная связь между лицами, ответственными за проведение расследования, и лицами, предположительно вовлеченными в совершение преступления. Суд напоминает, что в день происшествия заявитель допрашивался в Ленинском РУВД г. Нижнего Новгорода. Допрос имел место в присутствии старшего следователя милиции, заместителя местного отделения МВД и двух сотрудников прокуратуры – прокурора г. Богородска и заместителя областного прокурора, М.Р. В соответствии с показаниями заявителя, хотя М.Р. не присутствовал в кабинете в момент подключения к заявителю электродов, он никак не отреагировал на жалобы

заявителя о жестоком обращении. Более того, когда заявитель отказался признаться в совершении вменяемого ему в вину убийства М.С., М.Р. вернул заявителя сотрудникам милиции, которые, по словам заявителя, его пытали. Далее, несмотря на то, что МР принимал участие в допросе 19 сентября 1998 и, по словам заявителя, отказался принять меры по жалобам заявителя на жестокое обращение, следствие по данному делу было передано Ленинской районной прокуратуре г. Нижнего Новгорода, которая была подчинена областной прокуратуре, в которой МР занимал высокий пост. В течение последующего периода времени дело оставалось в компетенции той же районной прокуратуры, несмотря на многочисленные возобновления и прекращения расследования. Только в 2004 году дело было передано в отдел по особо важным преступлениям; однако, оно так и осталось под юрисдикцией областной прокуратуры.

116. Также выяснилось, что в ходе расследования прокуратура тесно сотрудничала с РУВД Ленинского района. Так, инспектору О., на которого заявитель указывал как на одного из лиц, пытавших его в 1998 году, было поручено найти свидетеля В. О. доложил в прокуратуре, что искал В. дома и не смог его обнаружить. Позднее В. показал, что никто из милиции не приходил к нему домой. Более того, одна из важных задач следствия была доверена одному из двух основных подозреваемых.

117. Суд отмечает избирательный и в какой-то мере нелогичный подход к сбору и оценке доказательств со стороны прокуратуры. Первое решение о закрытии дела было принято 21 декабря 1998 года и было основано преимущественно на показаниях сотрудников милиции, принимавших участие в допросе заявителя 19 сентября 1998 года, и которые, следовательно, не могут быть признаны беспристрастными свидетелями. В то же время следователь не учел показания, данные В., соседом заявителя по палате в больнице. Показания В. были отвергнуты следователем, потому что В. не имел специального медицинского образования и, по мнению следователя, не мог отличить ожоги от электротока от травм, вызванных падением заявителя из окна. В то же время следователь ссылается на мнение бывшего начальника заявителя в ГИБДД о том, что у заявителя слабый характер. Его показания не были критически оценены следователем и, более того, использовались в качестве решающего доказательства, несмотря на то, что их автор также не имел специального психологического или психиатрического образования.

118. Кроме того, медицинское освидетельствование заявителя от 26 октября 1998 года не нашло никаких следов применения электрического тока на его ушах, но тем не менее установило, что на языке у заявителя были следы укусов. Следователь не смог объяснить, как могли появиться эти укусы вследствие падения заявителя из окна. В ходе неофициального расследования произошедшего 19 сентября 1998 года, Ф. заявил, что следователи игнорировали его заявления об участии заместителя областного прокурора М.Р. в событиях сентября 1988 года.

119. Суд особенно удивлен описательной частью постановления следователя от 21 декабря 1998 года. Следователь установил, что 11 сентября 1998 года заявитель был освобожден, но затем снова арестован за нарушение общественного спокойствия на железнодорожном вокзале. Однако к тому времени было официально подтверждено, что протоколы сотрудников Н., Т. и Д. о предполагаемом задержании заявителя на вокзале были сфабрикованы, и что в указанное время заявитель находился в милиции. Несмотря на это, подобное изложение фактов было повторено в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 25 февраля 1999 года. Этот факт как таковой, по мнению Суда, дискредитирует логичность следствия в глазах любого независимого наблюдателя.

120. Суд далее подчеркивает, что дело за семь лет с момента обжалуемых событий, так и не дошло до стадии судебного разбирательства. Предварительное следствие прекращалось и затем возобновлялось более пятнадцати раз, и, очевидно, что в течение определенных периодов процесс расследования был не более чем формальностью с предсказуемым результатом. Кроме того, Суд отмечает, что приговор от 30 ноября 2005 года не является окончательным.

121. В свете крайне серьезных недостатков, определенных выше, особенно допущенных в ходе расследования, Суд заключает, что в данном деле расследование не

было адекватным и достаточно эффективным. Суд, таким образом, отвергает возражения Правительства, основанные на предполагаемом неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, и признает, что в данном случае имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процедурной части и что расследование по жалобе на предполагаемое жестокое обращение было неэффективным.

С. Предполагаемое бесчеловечное обращение с заявителем

1. Правительство

122. Правительство не представило никаких соображений по этому вопросу.

2. Заявитель

123. Заявитель настаивал на том, что он был подвергнут бесчеловечному обращению и пыткам сотрудниками милиции в нарушение статьи 3 Конвенции. В поддержку своего заявления он предоставляет расшифровку устных объяснений Ф. (второй подозреваемый в предполагаемом убийстве М.С.), Б., М. и В. (соседи по палате в больнице № 39), которые были получены сотрудниками правозащитной организации в 1999 году в ходе проведения неофициального расследования событий сентября 1998 года (приведены в разделе “Факты”). Далее заявитель утверждает, что показания, данные сотрудниками милиции в ходе расследования его жалобы на пытки, были крайне нелогичными и отражали ошибочную версию событий, которая была предложена вышестоящими властями. В поддержку своих заявлений он также ссылается на некоторые документы официального расследования, доступа к которым у него в настоящее время нет.

124. Заявитель добавил также, что существует множество косвенных доказательств жестокого обращения с ним. В частности, он отметил, что перед его арестом его физическое и психическое состояние было нормальным. У него не было признаков какого-либо психического расстройства или проблем, которые могли бы привести его к попытке самоубийства, а также у него не было никаких физических следов насилия на теле. При поступлении на службу в ГИБДД он прошел психологический тест, в соответствии с которым он был признан адекватным и устойчивым в психическом плане. Однако после нескольких дней под арестом он согласился подписать признание в изнасиловании и убийстве несовершеннолетней девушки, в ужасном преступлении, которого он не совершал (как оказалось позднее, М.С. вернулась домой живой и невредимой), а затем совершил попытку самоубийства.

125. Далее, описание заявителем произошедшего 10-19 сентября 1998 года не было оспорено Правительством-ответчиком. Правительство не представило материалы уголовного дела, которые могли бы помочь Суду выяснить обстоятельства дела. Ссылка Правительства на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса была некорректной и, более того, не совместимой с его обязательствами по статьям 34 и 38 п. 1 (а) Конвенции.

126. Заявитель также обратил внимание Суда на обстоятельства его задержания, ареста и допросов, которые, по его словам, не отвечали требованиям нормальной процедуры, гарантирующей неприкосновенность арестованного, то есть ведение протокола во время допроса, доступ к адвокату и т.д.

3. Оценка Суда

127. Во многих случаях Суд отмечал, что власти обязаны обеспечивать физическую неприкосновенность лиц, находящихся под стражей. Если лицо, взятое под стражу в хорошем состоянии здоровья, при освобождении имеет какие-либо физические повреждения, на государстве лежит обязанность представить разумное объяснение происхождения данных повреждений (см. «Рибич против Австрии» (*Ribitsch v. Austria*), решение от 4 декабря 1995, Series A no. 336, § 34; также см., *mutatis mutandis* (с учетом соответствующих изменений - прим. перев.), «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*)).

[GC], № 21986/93, §. 100, ECHR 2000-VII). В противном случае пытка или жестокое обращение могут быть презюмированы в отношении заявителя, и возникает вопрос о нарушении статьи 3 Конвенции.

128. Суд отмечает, что стороны не оспаривают тот факт, что заявитель получил серьезные травмы, так как выпрыгнул из окна здания отделения милиции и то, что он сделал это сам. Однако стороны выдвигают различные версии о том, что побудило заявителя выпрыгнуть из окна. Прокуратура настаивает на том, что допрос 19 сентября 1998 года был законным, что собственные психологические проблемы заявителя побудили его совершить попытку самоубийства. Заявитель оспаривает эту точку зрения. Он подчеркнул, что перед инцидентом он не обнаруживал никаких признаков психического расстройства, и что он пытался покончить с собой исключительно потому, что хотел положить конец своим страданиям.

129. Суд установил, что на всех стадиях расследования заявитель представлял логичное и детальное описание того, кто и как его пытал. Этот факт был также зафиксирован национальным судом 27 марта 2001 года. Более того, показания заявителя были подтверждены заявлениями его матери и господина В., которые показали, что видели следы электрических ожогов на голове и ушах. В. и М., другие пациенты больницы, также подтвердили, что уши заявителя были повреждены. И, наконец, в соответствии с заключением о медицинском освидетельствовании заявителя от 26 октября 1998 года, у заявителя были следы укусов на языке – травма, которая косвенно указывает на правдоподобность описанных заявителем обстоятельств. Ф. показал, что когда он находился в милиции, его запугивали такими же видами пыток, какие описывал заявитель. Ф. подтвердил, что во время нахождения под стражей его били и пугали насилием и пыткой электродами. В ходе короткой беседы с заявителем в милиции Ф. видел синяки на его шее.

130. С другой стороны, медицинская экспертиза заявителя от 26 октября 1998 года не выявила у него никаких повреждений, кроме тех, что были вызваны падением из окна. Кроме того, доктора и другой персонал, которые лечили заявителя в больницах № 33 и 39, не видели никаких следов применения электродов. Некоторые пациенты больницы подтвердили, что не видели никаких подобных следов на ушах заявителя, хотя заявитель упоминал в разговорах, что его пытали в милиции электродами.

131. Следовательно, основываясь исключительно на материалах, имеющихся у Суда, очень трудно установить “вне всякого сомнения”, что именно произошло в Ленинском РОВД 19 сентября 1998 года. В это же время Суд отмечает, что не имеет возможности прийти к окончательному выводу, поскольку соответствующие органы не провели эффективного расследования, а государство не предоставило ему материалы уголовного дела.

132. Суд выяснил, что до указанного случая заявитель не имел никаких психических проблем. Что касается психологического состояния, это правда, что один из его бывших коллег описал его как слабохарактерную личность. В дополнение к этому, психологическое тестирование на работе показало, что заявитель склонен избегать конфликтов и является очень чувствительной личностью. Однако эти характеристики не означают того, что заявитель был предрасположен к самоубийству, как предполагают национальные органы. Наоборот, истинная попытка самоубийства требует определенного волевого решения. Суд также отмечает, что обследование, проведенное экспертами в 2001 году (см. параграф 47 решения), не выявило никаких тенденций к совершению самоубийства на тот момент. В отсутствие другой информации от Правительства в этом отношении, Суд пришел к выводу, что заявитель перед инцидентом не страдал никаким психическим отклонением, которое бы повлияло на результат данного дела.

133. Заявитель оказался в стрессовой ситуации, поскольку ложно подозревался в совершении столь тяжкого преступления. Однако национальными властями не было представлено никакого достоверного объяснения, почему заявитель, зная о своей невинности, должен был попытаться совершить самоубийство, если на него не оказывалось никакого давления.

134. Более того, Суд отмечает важность свидетельских показаний, представленных Ленинскому районному суду. Суд заслушивал показания свидетеля В.З., который заявлял, что подвергался пыткам электрическим прибором, таким же, какой применялся к заявителю. Кроме того, суд заслушал свидетельницу В.К., которая подтвердила, что слышала от коллег, что заявитель совершил попытку самоубийства, когда к нему применялись пытки. Наконец, Суд изучил “признание”, написанное заявителем, которое косвенно подтверждает его версию событий.

135. Учитывая все обстоятельства, несмотря на тот факт, что решение от 30 ноября 2005 года еще не является окончательным, Суд делает вывод о том, что во время нахождения в отделении милиции заявитель был подвергнут государственными должностными лицами жестокому обращению с целью получения признательных показаний или информации о преступлении, в котором его подозревали. Жестокое обращение, примененное к нему, вызвало настолько тяжелые психические и физические страдания, что заявитель совершил попытку самоубийства, результатом которой явилась общая и постоянная физическая недееспособность. В соответствии с практикой Суда и учитывая критерии степени жестокости обращения (см., помимо других решений, «Илхан против Турции» (*Ilhan v. Turkey*) [GC], № 22277/93, §. 85, ECHR 2000-VII), Суд пришел к заключению, что жестокое обращение в данной ситуации являлось пыткой с точки зрения статьи 3 Конвенции.

136. Следовательно, в данном случае имело место нарушение статьи 3.

D. Другие жалобы на нарушение Статьи 3

137. Заявитель утверждал, что применение жестокого обращения стало возможным, потому что, среди прочего, имелось множество процессуальных недостатков в ходе расследования уголовного дела по обвинению его в убийстве М.С. Однако, принимая во внимание установленные ранее факты, Суд не считает необходимым рассматривать этот аспект отдельно.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

138. Заявитель также жаловался на то, что ему было отказано в эффективном средстве правовой защиты, что составило нарушение требования статьи 13, которая гласит:

Статья 13 - Право на эффективное средство правовой защиты

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

Заявитель посчитал, что в делах о предполагаемом жестоком обращении и пытках, противоречащих статье 3 Конвенции, на органы государства, в соответствии с обязательствами по ст. 13, должна быть возложена обязанность провести тщательное и беспристрастное расследование.

139. Аргументы Правительства в отношении этой части жалобы не отличаются от его возражений по применению статьи 3 Конвенции.

140. Суд напоминает, что статья 13 Конвенции требует, что в случае предполагаемого нарушения одного или нескольких прав, предусмотренных статьями Конвенции, жертве должен быть предоставлен доступ к механизму установления ответственности представителей государства и государственных органов за подобного рода нарушения. Высоким Договаривающимся сторонам предоставлена определенная свобода действий при выполнении своих обязательств по данному положению Конвенции. По общему правилу, если какое-либо национальное средство правовой защиты само по себе не

удовлетворяет требованиям статьи 13, то общее количество средств, предоставляемых национальным правом, может удовлетворять данным требованиям (см., среди прочих решений, «Кудла против Польши» (*Kudla v. Poland*) [GC], № 30210/96, §. 157, ECHR 2000-XI; см. также «Конка против Бельгии» (*Conka v. Belgium*), № 51564/99, §. 75, ECHR 2002-I).

141. Однако количество обязательств государства по статье 13 варьируется в зависимости от существа жалобы заявителя, и в некоторых ситуациях Конвенция требует предоставить определенное средство правовой защиты. Например, в делах, касающихся подозрительных смертей или жестокого обращения, принимая во внимание особенно важную значимость прав, предусмотренных ст. ст. 2 и 3 Конвенции, ст. 13 требует (в дополнение к выплате компенсации, при необходимости) провести тщательное и эффективное расследование, в результате которого можно будет установить и привлечь к ответственности виновных (см. «Ангелова против Болгарии» (*Angelova v. Bulgaria*), № 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV; «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), процитировано выше, §. 114 и далее; «Сахейла Один против Турции» (*Süheyla Aydın v. Turkey*), № 25660/94, §. 208, от 24 мая 2005 года).

142. На основании доказательств, представленных по настоящему делу, Суд установил, что государственные органы были ответственны в соответствии со статьей 3 Конвенции за травмы, нанесенные заявителю 19 сентября 1998 года. Следовательно, по смыслу ст. 13 Конвенции жалоба заявителя была «обоснованной» (см. «Бойл и Райс против Великобритании» (*Boyle and Rice v. the United Kingdom*), постановление от 27 апреля 1988 года, Series A no. 131, p. 23, § 52). Таким образом, государственные органы должны были провести эффективное расследование обстоятельств падения заявителя из окна. По основаниям, указанным выше (см. Часть I, раздел ПРАВО), не было произведено эффективное расследование. Суд, следовательно, устанавливает, что заявителю было отказано в соответствующем эффективном расследовании по жалобе на жестокое обращение в отделении милиции и в доступе к средствам правовой защиты, включая право на компенсацию.

143. Соответственно, в данном случае имело место нарушение Статьи 13 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 34, 38 КОНВЕНЦИИ

144. В своих комментариях после признания жалобы приемлемой заявитель жаловался на то, что непредставление материалов уголовного дела Правительством государства-ответчика было нарушением обязательства по смыслу статей 34 и 38 п. 1 (а) Конвенции. Статья 34 гласит следующее:

“Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права”.

Статья 38 п. 1 (а) гласит следующее:

“1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

(а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия”.

145. Принимая во внимание то, что выше указанные обстоятельства доказывают нарушение статей 3 и 13 Конвенции, Суд решил, что нет необходимости в отдельном изучении жалоб на нарушение статей 34 и 38 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

146. Статья 41 Конвенции предусматривает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

А. Требования заявителя относительно справедливой компенсации

147. Во-первых, заявитель просил возместить ему материальный ущерб, связанный с постоянным медицинским лечением заболеваний, вызванных событиями 19 сентября 1998 года. Он отметил, что с 1998 года различные благотворительные организации и частные спонсоры покрывали его расходы на лечение. Однако он не может рассчитывать на их поддержку в будущем. Следовательно, он должен найти иные источники получения материальных средств. В соответствии с заключением медицинского эксперта Магнутовой Л. (см выше), приблизительная стоимость госпитализации заявителя, которая требуется минимум дважды в год, составляет примерно 60 000 рублей. В дополнение к этому, заявитель тратит 300-500 рублей ежедневно на медицинские препараты и личные гигиенические средства. Следовательно, полная сумма его затрат на медицинское лечение составляет 362 500 рублей в год. Основываясь на этих подсчетах, заявитель требует 23 562 500 рублей для покрытия его медицинских расходов до достижения им возраста 65 лет.

148. Далее заявитель отмечает, что ему официально была присвоена первая группа инвалидности. Он не в состоянии работать и зарабатывать деньги, нуждается в постоянной сиделке и, так как его семья не в состоянии платить за ее содержание, мать заявителя была вынуждена уволиться с работы для ухода за сыном. Потеря ее заработков, по мнению заявителя, также должна рассматриваться как материальный ущерб. Кроме того, заявитель требует возмещения потери собственной заработной платы. Основывая свои подсчеты на данных статистики о средней заработной плате в России за соответствующий период, заявитель требует 2 736 384 рубля в качестве компенсации его утеряннного заработка и 513 072 рубля в качестве компенсации утеряннного заработка его матери.

149. В целом, за понесенный материальный ущерб заявитель требует возмещения в размере 27,351,812 рублей (около 794 000 евро по обменному курсу на момент выплаты).

150. Заявитель требует компенсировать моральный вред. Он заявляет, что был подвергнут пыткам электротоком в отделении милиции, которые вызвали серьезные физические и психические страдания. Более того, его прыжок из окна привел к чрезвычайно серьезной травме. Его ноги остались парализованными, он может передвигаться только в инвалидном кресле и не в состоянии иметь детей. Всю оставшуюся жизнь заявитель будет зависеть от других людей. Он не может работать по специальности и развивать свои профессиональные навыки. В здании, где он живет, нет лифта, и ему приходится прилагать очень много усилий для того, чтобы выйти на улицу. У большинства зданий в России нет специальных приспособлений для инвалидов колясок. В результате этого его передвижение и контакты с людьми очень ограничены. Все эти факторы причиняют ему глубокие и серьезные страдания.

151. Также его страдания усугубляются поведением национальных властей, постоянно выражающих неприязнь к заявителю и отказывающихся признать свою вину в случившемся. Он был унижен и назван слабохарактерным человеком, который пытался оправдать свою попытку самоубийства, обвинив сотрудников милиции. Это привело к

тому, что заявитель чувствует себя несчастным, беспомощным и растерянным.

152. На основании выше изложенного заявитель претендует на 22 530 000 рублей компенсации морального вреда (примерно 654 000 евро по обменному курсу на момент выплаты).

В. Позиция Правительства по вопросу справедливой компенсации

153. В ответ на требования заявителя о справедливой компенсации Правительство отметило, что гражданский процесс, инициированный заявителем в суде Ленинского района Нижнего Новгорода, в настоящее время продолжается. Процедура была приостановлена по просьбе заявителя в ожидании результата рассмотрения уголовного дела. Срок расследования по уголовному делу продлен до 2 апреля 2005 заместителем Генерального прокурора. То есть, Правительство считает, что, так как процедура на национальном уровне не окончена, у заявителя есть возможность получить компенсацию на национальном уровне. Следовательно, требования заявителя преждевременны.

154. Кроме этого, Правительство признало сумму, запрашиваемую заявителем несоразмерной и не подкреплённой доказательствами.

С. Оценка Суда

1. Материальный ущерб

155. Прежде всего, Суд отмечает, что тот факт, что заявитель также может рассчитывать на компенсацию материального ущерба в соответствии с национальным законодательством, не лишает его права получить компенсацию в соответствии со статьей 41 Конвенции. Суд может рассматривать данный вопрос, даже если подобная процедура идет на национальном уровне; любое другое толкование положений ст. 41 Конвенции сделало бы эту статью недействительной (см., *mutatis mutandis* (с учетом соответствующих изменений - прим. перев.), «Де Вилд, Умс и Версип против Бельгии» (*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*) (бывшая ст. 50 Конвенции), решение от 10 марта 1972 года, Series A no. 14, § 14 и последующие решения Суда).

156. Суд также повторяет, что должна существовать ясная причинно-следственная связь между имеющимся ущербом, заявленным жертвой, и нарушением статьи Конвенции и это, при определенном условии, может включать выплату компенсации за неполученный заработок (см. «Барбера, Мессег и Жабардо против Испании» (*Barberà, Messegué and Jabardo v. Spain*) (бывшая статья 50), решение от 13 июня 1994, Series A no. 285-C, §§ 16-20).

157. Суд установил, что заявитель был подвергнут пыткам, в результате чего он попытался совершить самоубийство. Таким образом, именно национальные власти являются ответственными за последствия инцидента 19 сентября 1998 года. Заявитель на настоящий момент не имеет возможности работать, и ему необходима значительная сумма для продолжения лечения. Следовательно, имеется причинно-следственная связь между установленным нарушением и снижением дохода заявителя и его будущими медицинскими расходами (см., напротив, «Берктай против Турции» (*Berktaş v. Turkey*), жалоба № 22493/93, § 215, от 1 марта 2001 года, в которой Судом не была установлена причинная связь между жестоким обращением с заявителем и его психологическими проблемами в настоящий момент).

158. Суд вновь напоминает, что точный подсчет сумм, необходимых к выплате для полной компенсации (*restitutio in integrum* (возврат в первоначальное состояние – прим. перев.)) с учетом материальных потерь, понесенных заявителем, может быть предотвращен из-за неопределенного характера причиненного вреда (см. «Янг, Джеймс и Уэбстер против Великобритании» (*Young, James and Webster v. the United Kingdom*) (бывшая Статья 50), решение от 18 октября 1982, Series A № 55, §. 11). Тем не менее,

компенсация может быть присуждена несмотря на множество затруднений, связанных с подсчетом будущих убытков, хотя чем больше проходит времени, тем менее четкой становится связь между нарушением и наступившим вредом (см. «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*), № 25656/94, §. 426 и далее, от 18 июня 2002 года). Вопрос, который необходимо решить в таких делах – это объем справедливого возмещения, который должен быть установлен Судом по его усмотрению с учетом понесенного или предстоящего ущерба, который необходимо возместить заявителю (см. «Санди Таймс против Великобритании» (*Sunday Times v. the United Kingdom*) (бывшая Статья 50), решение от 6 ноября 1989 года, Series A № 38, п. 9, §. 15, и «Листинг-Прин и Беккет против Великобритании» (*Lustig-Prean and Beckett v. the United Kingdom*) (статья 41) №. 31417/96 и 32377/96, §§ 22-23, ECHR 2000).

159. Суд отмечает, что жалоба заявителя относительно будущих медицинских расходов была основана на заключении доктора Л. Магнутовой, в котором она указала примерную годовую стоимость медицинского лечения для заявителя; на официальном среднем размере заработной платы и на предположении, что заявитель смог бы работать до 60 лет и примерная продолжительность его жизни составила бы 65 лет. Правительство не предоставило никакого иного расчета предстоящих расходов и упущенного заработка заявителя.

160. Суд отмечает, что в предыдущих делах о возмещении неполученного заработка, Суд основывал свои расчёты на представленном заявителями расчете денежной суммы, необходимой для поддержания среднего уровня жизни (см. «Актас против Турции» (*Aktas v. Turkey*), № 24351/94, § 350, ECHR 2003-V, и «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*), § 433). Этот же подход может быть применен к расчету будущих расходов. В данном деле, однако, заявитель рассчитывал общую сумму путем умножения его годовых медицинских расходов на среднюю продолжительность жизни в России. Сумма неполученного заработка была подсчитана по тому же принципу.

161. Следовательно, даже предполагая, что все подсчеты и данные, предоставленные заявителем, верны, Суд считает, что метод подсчета, примененный в настоящем деле, не соответствует подходам, применяемым Судом при оценке предстоящих расходов. Более того, подсчет утраченного дохода не включает сумму, получаемую заявителем в качестве пенсии по инвалидности. Следовательно, Суд не может принять окончательную сумму, требуемую заявителем по этому пункту.

162. Тем не менее, учитывая неопределенность положения заявителя и тот факт, что он обязательно столкнется со значительными материальными затратами в результате его полной нетрудоспособности и необходимости медицинского лечения, Суд считает допустимым присуждение компенсации материального вреда, размер которой основан на его личной оценке ситуации (см., *mutatis mutandis* (с учетом соответствующих изменений - прим. перев.), «Авсар против Турции» (*Avşar v. Turkey*), № 25657/94, § 442, ECHR 2001-VII; «З и другие против Великобритании» (*Z and Others v. the United Kingdom*) [GC], № 29392/95, § 127, ECHR 2001-V; и «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*). Оценив серьезность состояния заявителя, необходимость в профессиональном постоянном медицинском уходе и его полную неспособность работать в будущем, Суд присуждает ему по данным основаниям 130 000 евро, а также любой налог, начисляемый на эту сумму.

2. Моральный вред

163. Суд напоминает, что на момент произошедшего заявитель был молодым здоровым мужчиной с постоянным местом работы. Во время нахождения в отделении милиции он был подвергнут пыткам, которые вызвали у него тяжкие психические и физические страдания. Затем, после происшествия, заявитель перенес несколько операций на позвоночнике. К настоящему моменту у заявителя утеряна способность к передвижению, а также сексуальная функция, он не имеет возможности работать и иметь детей. Ему необходимо проходить регулярные медицинские процедуры, и существует риск ухудшения его состояния. Признавая последствия инцидента 19 сентября 1998 года чрезвычайно серьезными для заявителя, Суд присуждает ему 120 000 евро в качестве

компенсации морального вреда, а также любой налог, начисляемый на эту сумму.

D. Проценты за просрочку выплаты компенсации

164. Суд считает уместным, что сумма пеней по выплате компенсации должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального банка плюс три процента.

ПО УКАЗАННЫМ ВЫШЕ ОСНОВАНИЯМ СУД РЕШИЛ ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Отвергнуть* возражения Правительства по поводу неисчерпания всех средств внутренней правовой защиты и признать заявителя жертвой предполагаемых нарушений;

2. *Постановить*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции по причине того, что следствием не было проведено эффективное расследование падения заявителя из окна отделения милиции 19 сентября 1998 года;

3. *Постановить*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции, и во время нахождения в отделении милиции в отношении заявителя было применено жестокое обращение;

4. *Постановить*, что в свете вышеуказанных выводов, нет необходимости рассматривать иные жалобы заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции;

5. *Постановить*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции по причине отсутствия эффективных средств правовой защиты по жалобе на бесчеловечное обращение;

6. *Постановить*, что нет необходимости изучать отдельно жалобу заявителя на нарушение статей 34 и 38 п. 1 (а);

7. *Постановить*

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с момента вступления постановления в силу в соответствии со статьей 44 п. 2 Конвенции 130 000 евро (сто тридцать тысяч евро) в качестве компенсации материального ущерба и в качестве компенсации морального вреда 120 000 евро (сто двадцать тысяч евро), конвертированных в российские рубли по курсу, действующему на момент выплаты суммы, плюс любой налог, начисляемый на указанные суммы;

(b) что по окончании вышеуказанного трёхмесячного срока вплоть до урегулирования на указанные суммы подлежат начислению проценты по курсу, равному предельной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, с добавлением трёх процентов;

8. *Отклонить* остальные требования о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 26 февраля 2006 года, согласно п.п. 2, 3 Правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен

Кристос Розакис

Секретарь Секции Суда

Председатель Палаты